

УДК 94(481).083

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕСТРОЙКЕ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
В КРАСНОЙ АРМИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(22 ИЮНЯ - ИЮЛЬ 1941 г.)**

© 2016 Г.М. Ипполитов

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Статья поступила в редакцию 07.10.2016

В статье анализируется процесс перестройки системы партийно-политической работы в Красной армии в начальном периоде Великой Отечественной войны (22 июня - июль 1941 г.). Утверждается, что данный процесс отличался неоднозначностью и противоречивостью.

Ключевые слова: партийно-политическая работа, РККА, Главное политическое управление, Л.З. Мехлис, военные комиссары, политорганы, ВКП(б), политбойцы, политруки, партийные организации, агитация, моральный дух, морально-психологическое состояние, советская пропаганда, листовки, вермахт, пролетарский интернационализм.

На рассвете 22 июня, в 3 часа 15 минут (по московскому времени), тысячи орудий и минометов германской армии открыли огонь по пограничным заставам и расположению советских войск. Немецкие самолеты устремились на бомбардировку важных объектов по всей приграничной полосе – от Баренцева моря до Черного. Воздушным налетам подверглись многие города. Чтобы достичь внезапности, бомбардировщики перелетели советскую границу на всех участках одновременно. Первые удары пришлись как раз по местам базирования советских самолетов новейших типов, пунктам управления, портам, складам, железнодорожным узлам. Массированные воздушные удары врага сорвали организованный выход первого эшелона приграничных округов к государственной границе. Сосредоточенная на постоянных аэродромах авиация понесла невосполнимые потери: за первый день войны было уничтожено 1200 советских самолетов, причем большая их часть даже не успела подняться в воздух. Однако вопреки этому за первые сутки советскими ВВС было совершено около 6 тыс. самолетовылетов и уничтожено в воздушных боях свыше 200 немецких самолетов¹.

Начальный период Великой Отечественной войны, продолжавшийся с 22 июня до середины июля 1941 г., связан с серьезными неудачами советских Вооруженных сил. Противник добился крупных оперативно-стратегических результатов. Его войска продвинулись в глубь советской территории на 300-600 км. Под натиском врага Красная армия вынуждена была почти повсеместно отступать. Латвия, Литва, почти вся Бело-

руссия, значительная часть Эстонии, Украины и Молдавии оказались под оккупацией. В фашистскую неволю попали около 23 млн. советских людей. Страна лишилась многих промышленных предприятий и посевных площадей с созревающим урожаем. Создалась угроза Ленинграду, Смоленску, Киеву. Лишь в Заполярье, Карелии и Молдавии продвижение противника было незначительным. За первые три недели войны из 170 советских дивизий, принявших на себя первый удар германской военной машины, 28 оказались полностью разгромлены, а 70 – лишились более чем половины личного состава и военной техники. Только три фронта – Северо-Западный, Западный и Юго-Западный – безвозвратно потеряли около 600 тыс. человек, или почти треть своего численного состава. Красная армия лишилась около 4 тыс. боевых самолетов, свыше 11,7 тыс. танков, около 18,8 тыс. орудий и минометов².

Несмотря на потери войска Красной армии (РККА), сражавшиеся от Баренцева моря до Черного, к середине июля располагали 212 дивизиями и 3 стрелковыми бригадами. И хотя полнокровными из них являлись лишь 90 соединений, а остальные имели всего половину, а то и менее штатного состава, считать Красную армию разгромленной было явно преждевременно. Сохранили способность к сопротивлению Северный, Юго-Западный и Южный фронты, спешно восстанавливали боеспособность войска Западного и Северо-Западного фронтов³.

И хотя начальный период Великой Отечественной войны завершился поражением советских Вооруженных сил, однако уже 30 июля 1941 г. в ходе боев за Смоленск впервые за два года Второй мировой войны немецко-фашистские войска были вынуждены перейти к обороне.

В это сложное время шел в том числе и процесс перестройки системы партийно-политической работы в РККА, которая, являясь составной частью военной политики правившей в стране

*Ипполитов Георгий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН, профессор кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики, академик Академии военных наук.
E-mail: gippolitov@rambler.ru*

компартии, сложилась и функционировала в Вооруженных силах Советского государства с 1918 г. (представляла собой идеологическую и организаторскую деятельность военных советов, командиров, политических органов, партийных организаций).

В советской историографии Великой Отечественной войны тема, означенная выше, с учетом того, что проблематика партийно-политической работы входила в число приоритетных, не была обделена вниманием исследователей⁴. Конечно, в таких работах имели место все идеологические штампы и политические клише, присущие советской исторической науке. Например, допускались элементы абсолютизации процесса функционирования системы партийно-политической работы, особенно при показе достигнутых здесь результатов. Дело дошло до того, что в мемуары Г.К. Жукова и других военачальников как обязательный атрибут насильственно вписывали разделы по партийно-политической работе. Причем эта работа изображалась, что справедливо подметил такой авторитет современной военно-исторической науки, как М.А. Гареев, одинаково плодотворной как в увенчавшихся успехом, так и в потерпевших неудачу операциях⁵.

В постсоветской и современной историографии проблема перестройки партийно-политической работы в Вооруженных силах Советского государства в начале Великой Отечественной войны ушла из разряда приоритетных на научную периферию. Следовательно, и выполненных научных работ стало значительно меньше⁶. Более того, в 1990-е годы так называемые либеральные историки, а также и исследователи, занимавшие ярко выраженные антикоммунистические позиции, всемерно пытались дискредитировать систему партийно-политической работы, функционировавшую в Красной армии, или просто умолчать о ней⁷. Это, видимо, обуславливалось главным образом тем, что в то время выполнялся социальный заказ определенных политических сил, которым очень не нравился такой тезис: одним из условий победы советского народа в Великой Отечественной войне явилась организующе-мобилизующая роль Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) [ВКП(б)], которую она осуществляла, в частности, и через систему партийно-политической работы в РККА.

Не станем отвлекаться на дискуссию с подобного рода исследователями. Продекларируем лишь личностную позицию: историки-либералы, историки-антикоммунисты, пытающиеся отрицать очевидное – организующе-мобилизующую роль ВКП(б) в период Великой Отечественной войны, – идут по антиисторичному, антинаучному пути. Подтвердим данный тезис только одним аргументом в пользу перманентного партийного руководства ВКП(б) Вооруженными силами Советского государства в период Великой Оте-

чественной войны: члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК ВКП(б) возглавили важнейшие участки военной работы. По решению Центрального Комитета 500 секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов были направлены в армию и на флот. Туда же ушли 270 ответственных работников аппарата ЦК и 1265 партийных работников областного уровня⁸. Ушли бы, конечно, гораздо больше, но требовалось решать оборонные задачи не только на фронте, поэтому партия расставляла свои кадры с учетом необходимости обеспечить все ответственные участки надежными и умелыми людьми.

Правда, что отрадно, в начале XXI в. в современной российской исторической науке тенденция игнорирования очевидного (изложено выше) значительно ослабла. Наметились в освещении рассматриваемой темы взвешенные подходы⁹. Однако количественного увеличения работ пока что особо не наблюдается.

В настоящей статье автор предпринял попытку осветить, как протекал процесс перестройки системы партийно-политической работы в Красной армии в начальный период Великой Отечественной войны (22 июня – июль 1941 г.)¹⁰. Претензий на полноту освещения исследуемой проблемы не выдвигаем.

Анализ источников и литературы позволяет выявить специфические обстоятельства, в которых протекал процесс системы перестройки партийно-политической работы в Красной армии, в хронологических рамках, указанных выше.

Во-первых, он протекал на фоне серьезных поражений РККА в начальный период войны, что выше отмечалось.

Во-вторых, исследуемый процесс протекал в комплексе с интенсивной деятельностью органов государственной власти и правившей в стране компартии по организации отпора сильному и коварному врагу, что выразилось в принятии ряда нормативно-правовых актов: указы Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» (22 июня 1941 г.)¹¹, «Об утверждении положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» (22 июня 1941 г.)¹², «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» (6 июля 1941 г.)¹³ и др. Причем, что представляется принципиальным подчеркнуть, все документы отличались конкретностью и деловитостью. Так, в директиве Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, отправленной на места 29 июня 1941 г., выдвигалось требование «в беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу». В директиве

также предлагалось «Немедленно предавать суду Военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, – невзирая на лица»¹⁴.

В-третьих, в Красной армии сложилась противоречивая ситуация с ее моральным духом. С одной стороны, многие части и соединения продемонстрировали в сражениях и боях высокую морально-психологическую устойчивость. Незаурядной ожесточенностью отмечались, например, бои под Равой-Русской. В советской сводке от 23 июня 1941 года указывалось, что окруженные в отдельных сооружениях красноармейцы стойко отбивали атаки врага и даже заставили его отойти на этом участке фронта¹⁵. В целом кадровые дивизии РККА в первую неделю войны хотя и понесли большие потери, но оказали ощутимое сопротивление врагу. Это при том, что их бросали в бой без надлежащей подготовки и обеспечения. И что представляется особенно значимым, личный состав наших частей и соединений проявлял небывалый героизм. Уже 22 июня 1941 г. в 4 часа 15 минут совершил воздушный таран Д. Кокарев. 24 августа 1941 г. младший политрук Панкратов под Новгородом закрыл своей грудью амбразуру¹⁶. И, конечно, подвиг защитников Брестской крепости (стал хрестоматийным) и многие другие подвиги советских воинов в начале Великой Отечественной войны¹⁷ – убедительное подтверждение тезиса о том, что морально-психологическое состояние многих частей и соединений РККА в начале Великой Отечественной войны являлось высоким¹⁸.

С другой стороны, в начале войны также у многих частей и соединений РККА морально-психологическое состояние оставляло желать лучшего. Поражения Красной армии в приграничных боях, постоянное психологическое давление отступления, усталость солдат и офицеров в результате постоянных боев способствовали падению морального духа действующей армии. Из сводок управления политической пропаганды Юго-Западного фронта, представленных 26 июня 1941 г. начальнику Главного управления политической пропаганды РККА армейскому комиссару 1 ранга Л.З. Мехлису, вытекает, что «не прекращаются факты паники среди отдельных командиров и красноармейцев»¹⁹. В докладной записке корреспондента «Красной Звезды» на имя члена Военного совета Северо-Западного фронта корпусного комиссара Богаткина от 10 июля 1941 г. отмечается, что на Островском направлении сил у немцев (судя по рассказу командира 5-го танкового полка Посенчука) очень мало. Но захват города нашими частями сорвался только лишь потому, что с поля боя постыдно дезертировала 111-я стрелковая дивизия, ее командиры бежали первыми, споры петлицы и сняв знаки различия²⁰. Статистика гласит: с 5 по 10 июля в Красной армии за дезертирство,

членовредительство, трусость, паникерство, распространение пораженческих настроений (в то время данные преступления относились к категории «контрреволюционных преступлений») привлекли к уголовной ответственности 2681 человека, из них 605 приговорили к расстрелу²¹.

В-четвертых, приходилось исправлять серьезные ошибки предвоенных лет, допущенные в партийно-политической работе. Тогда свернули антифашистскую и антигерманскую пропаганду. Причем здесь появилось противоречие с практическими делами. Участник Великой Отечественной войны В.Н. Радин вспоминал: «Наша пропаганда в газетах и по радио трубила о дружеских отношениях с Германией, а на стрельбищах мы, как и прежде, целились по мишеням с изображением немецкого солдата в рогатой каске. В истории советской страны это был, пожалуй, единственный случай, когда власти молчаливо разрешали низам действовать вразрез со своей официальной пропагандой»²². По воспоминаниям фронтовиков, армию откровенно дезориентировало «сообщение ТАСС от 14 июня 1941 г., с которым нас ознакомил комиссар полка. В этом сообщении категорически утверждалось, что слухи о предстоящей войне с Германией являются ложными и не отвечают дружественному характеру советско-германских отношений. Более того, нам разъяснили, что подобные слухи могут распространять «враждебные элементы»»²³.

Небезынтересно и то, что в самом начале Великой Отечественной войны, в 1941 г., уповая на «пролетарский интернационализм», советская пропаганда призывала солдат вермахта, рвущихся к Москве, к свержению гитлеровского режима и созданию антифашистских комитетов. Это было вызвано господствовавшими в то время идеологическими штампами и политическими установками. Вера немцев в превосходство германской расы, в ее право на мировое господство, железная дисциплина и безоговорочная поддержка гитлеровской политики расширения жизненного пространства сводили на нет подобные усилия советской пропаганды.

Негативную роль сыграл и настрой на легкую победу над врагом, который существовал в канун столкновения с фашистами. Тяжелая война с Финляндией, хотя и обнаружила многочисленные недостатки в организации и подготовке Красной армии, все же закончилась победой. Большие потери замалчивались на всех уровнях как в армии, так и в государстве в целом. В подобной ситуации, наблюдая за поражением Польши и Франции, большинство военных руководителей считало, что у нас ничего подобного не может произойти, особенно на широком фронте. Поэтому нападение немецких войск оказало значительное психологическое влияние на бойцов и командиров. Отступление порождало все большую обеспокоенность среди воинов, которые

не были готовы психологически к войне на своей территории²⁴.

В-пятых, в стране наблюдалась противоречивость восприятия начавшейся войны народными массами. Советская историография аргументированно доказала: весь народ сплотился перед нависшей угрозой, что стало одним из главных условий достижения полной победы над врагом²⁵. Не ставится под сомнение в основном такой тезис и в постсоветской историографии²⁶. Вряд ли у большинства добросовестных современных исследователей вызовет сомнение, например, информация газеты «Правда» о том, что с первых дней войны люди добровольно приходили на призывные пункты. «Приходят, просят направить в действующую армию и те, которых не вызывали по повестке»²⁷. В докладной записке контролеров Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) от 26 июня 1941 г. отмечалось, что настроение рабочих на некоторых фабриках Москвы хорошее. В партком фабрики «Красная коммуна» пришла комсомолка Сысоева с десятью подругами. «Все они просили отправить их добровольцами на фронт»²⁸.

Но были и другие люди, другие мнения. Б.Н. Соколов, пробывший в германском плену с лета 1941 г. почти до конца войны, в своих воспоминаниях писал: «Мне тридцать лет, инженер, главный технолог завода. На войну пошел, можно сказать, добровольно, то есть не уклонился и не отказался, как поступали многие, твердо знавшие, что на войну лучше не ходить. В этом сказался и законопослушный характер, и незнание жизни вне привычного круга, и просто непривычка думать. Как понял потом, большинство армии и состояло из таких «добровольцев», то есть людей неинициативных, слабохарактерных, равнодушных, не умеющих думать и управлять своей судьбой. Люди с твердым знанием своих интересов и умением их отстаивать на войну не шли, и государство ничего не могло с ними поделать»²⁹.

Имели место случаи, когда на отдельных призывных пунктах были в то время и проявления неудовлетворения призывом. Возмущение в основном выражали женщины. Некоторые из них утверждали, что якобы все коммунисты остались на своих местах, а их сыновей и мужчин отправляют на бойню, обрекая тех, кто остался, на голод³⁰.

Подобная противоречивая ситуация во многом объясняется тем, что в стране к началу войны имелась довольно обширная прослойка людей, недовольных советской властью. Ее создала предвоенная политика сталинского политического режима. Из нее впоследствии пополнялись ряды коллаборационистов. Такие люди добровольно сдавались в плен, а там пополняли германские формирования, состоявшие из советских военнопленных. Конечно, недовольство советской властью не всегда являлось причиной коллаборационизма. Но не принимать эту ситуацию во

внимание, расценивая как одну из существенных причин, породивших его, невозможно³¹. Кроме того, со стороны Советского государства было антигуманное отношение к своим военнопленным. Все они априори объявлялись сталинским политическим режимом изменниками, их семьи подвергались гонениям. А ведь в германском плену в общей сложности находилось примерно 4 млн. советских военнослужащих³² (правда, по немецким данным, общая численность советских военнопленных на февраль 1945 г. составила 5,7 млн. человек³³). Но немецкую военную форму в плену и на оккупированной территории надел, по данным советского военного командования, только 1 млн человек³⁴.

Это создавало в советском обществе внутреннюю напряженность. Призыв советского руководства сплотиться еще теснее вокруг большевистской партии и советского правительства находил позитивный отзыв не у всех. От людей, среди которых многие пострадали от репрессий, требовали преданности государству, которое организовало те репрессии. Тем не менее, невзирая на государственную несправедливость, многие люди боролись с врагом, защищая подчас родную землю, а не советскую власть.

В-шестых, негативный отпечаток на сложившуюся обстановку наложило то, что командный состав РККА был серьезно ослаблен, в первую очередь различного рода сокращениями и чистками, неоднократно проводимыми в ходе всего предвоенного периода. Только в конце 1920 - первой половине 1930-х годов в результате крупномасштабных чисток из Красной армии было уволено 47 тыс. бывших офицеров русской армии, из них более 3 тыс. было репрессировано³⁵.

В-седьмых, войсковой партийно-политический аппарат зачастую проявлял растерянность и не мог эффективно проводить партийно-политическую работу в частях и соединениях. Например, 15 июля 1941 г. в докладной записке на имя члена военного совета Западного фронта армейского комиссара 1-го ранга Л.З. Мехлиса, в которой излагались итоги расследования причин поражения 117-й стрелковой дивизии 63-го стрелкового корпуса 21-й Армии в операции под Жлобиным, в том числе отмечалось, что «отдел политической пропаганды дивизии и политработники частей, не зная сами конкретно поставленной задачи перед отрядом, слабо обеспечили партийно-политической работой проводимую операцию»³⁶.

Анализ источников и литературы показывает, что процесс перестройки системы партийно-политической работы в РККА начался с проведения крупных организационно-правовых мероприятий, позволивших сделать ее более гибкой, адаптированной к суровым условиям операций, сражений и боев, которые вели войска РККА в начальном периоде Великой Отечественной войны.

Наиболее значимым мероприятием стало принятое 16 июля 1941 г. постановление Политбюро ЦК партии о реорганизации управлений и отделов политической пропаганды с их ограниченными функциями в политуправления (фронтов, флотов, военных округов) и политотделы (армий, соединений, флотилий), на которые возлагалось руководство идеологической и организационно-партийной работой в войсках. В этот же день Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии». В нем отмечалось, что навязанная Советскому Союзу война в корне изменила обстановку работы в Красной Армии. «Война расширила объем политической работы в нашей армии и потребовала, чтобы политработники не ограничивали свою работу пропагандой, а взяли на себя ответственность также и за военную работу на фронтах. С другой стороны, война усложнила работу командира в полку и дивизии и требует, чтобы командиру полка и дивизии была оказана полная помощь со стороны политических работников не только в области политической работы, но и в области военной. Все эти новые обстоятельства в работе политработников, связанные с переходом от мирного времени к военному времени, требуют того, чтобы была повышена роль и ответственность политработников – подобно тому, как это имело место в период гражданской войны против иностранной военной интервенции». Исходя из вышеизложенного Президиум Верховного Совета Союза ССР, идя навстречу пожеланиям Государственного Комитета Обороны и Главкомов, постановил:

«1. Реорганизовать управления и отделы политической пропаганды в Политические управления и Политические отделы Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

2. Ввести во всех полках и дивизиях, штабах, военно-учебных заведениях и учреждениях Красной Армии институт военных комиссаров, а в ротах, батареях, эскадронах – институт политических руководителей.

3. Утвердить Положение о военных комиссарах в полках и дивизиях Рабоче-Крестьянской Красной Армии»³⁷.

Причем, что представляется принципиальным подчеркнуть, в этом Положении были до предела четко конституированы, *во-первых*, организационная структура института военных комиссаров (устанавливалось, что они вводятся во всех полках и дивизиях, штабах, военно-учебных заведениях и учреждениях Красной армии, как на фронте, так и в тылу), *во-вторых*, статус данных должностных лиц (они возводились в ранг представителей ВКП(б) и Советского правительства в РККА³⁸, причем все приказы по полку, дивизии, управлению, учреждению стали подписываться

командиром и военным комиссаром), *в-третьих*, их сфера ответственности (они наряду с командирами стали нести полную ответственность за выполнение войсковой частью боевой задачи, за ее стойкость в бою и «непоколебимую готовность драться до последней капли крови с врагами нашей Родины и с честью отстаивать каждую пядь советской земли»), *в-четвертых*, военные комиссары провозглашались нравственными руководителями своих частей³⁹.

В анализируемом Положении четко определялись обязанности военных комиссаров: помогать командиру, честно и самоотверженно выполняющему боевые задачи, во всей его работе, укреплять авторитет командира и строго контролировать проведение в жизнь всех приказов высшего командования; своевременно сигнализировать Верховному командованию и Правительству о командирах и политработниках, недостойных звания командира и политработника и порочащих своим поведением честь РККА; воодушевлять войска на борьбу с врагами нашей Родины; в наиболее серьезные моменты боя личным примером храбрости и отваги поднять боевой дух войсковой части и добиться безусловного выполнения боевого приказа; поощрять и популяризировать лучших бойцов и командиров, воспитывать у личного состава войсковой части отвагу, смелость, хладнокровие, инициативу и сметку, воспитывать презрение к смерти и готовность биться до победного конца против врагов нашей Родины; опираясь на широкие массы красноармейцев и командиров, вести беспощадную борьбу с трусами, паникерами и дезертирами, насаждая твердой рукой революционный порядок и воинскую дисциплину; в корне пресекать всякую измену.

Ни с кем не разделяемой прерогативой устанавливалась руководство со стороны военных комиссаров политорганами, а также партийными и комсомольскими организациями войсковых частей. Вводился также порядок, согласно которому политические руководители стали подотчетными в своей работе комиссару полка, «комиссар полка – комиссару дивизии, комиссар дивизии – военному совету Армии и Главному политическому управлению Красной Армии»⁴⁰.

Как видно, институт военных комиссаров в подобном формате стал во многом схож со своим «старшим братом» в историческом пространстве и во времени – институтом военных комиссаров и членов военных советов периода российской Гражданской войны (1918-1922 гг.).

Современный уровень накопления исторических знаний показывает, что введение института военных комиссаров являлось чрезвычайной формой руководства ВКП(б) Вооруженными силами Советского государства. Оно детерминировалось главным образом исключительно тяжелыми условиями начального периода войны, когда над

нашей Родиной нависла смертельная опасность и когда в корне изменилась обстановка работы в РККА. Институт военных комиссаров, ставший элементом структуры перестраиваемой в начале войны системы партийно-политической работы, несмотря на неоднозначность и противоречивость функционирования, сыграл в конечном итоге свою положительную организующе-мобилизующую роль. Ведь явно не случайно нацистские бонзы гитлеровский Германии с особой патологической ненавистью и звериной злобой относились к политическим работникам. Свидетельство тому – официальный приказ верховного немецкого командования, изданный 6 июня 1941 г., за две недели до начала войны Германии против Советского Союза. Он предусматривал немедленный расстрел всех взятых в плен политработников Красной армии как «носителей сопротивления»⁴¹ (кстати, тогда еще не существовал институт военных комиссаров в РККА).

Не станет преувеличением сказать, что массовый героизм солдат на поле боя в первый тяжелейший год войны во многом объясним присутствием рядом с бойцами политработников. Есть много примеров героического поведения политработников в боях. Вот несколько строк о политруке, в будущем дважды Герое Советского Союза, С.В. Хохрякове: «Фашисты рвутся к Рязани, обходя Москву с юга. Создалась угроза столице. Политрук сутками на ногах. Он делает все возможное для успеха подразделений в бою, осунулся и, кажется, постарел. Никто уже не скажет, что ему 25 лет. Впалые глаза горят нездоровым блеском, но он всегда на передовой. Политработник беседует с воинами, поддерживает, успокаивает и призывает. Подчиненные воины слушали и задавались одним вопросом: «Скоро ли будет и «на нашей улице праздник?». И все же вера и уверенность в нашу победу политрука передавалась бойцам. Октябрьские и ноябрьские бои 1941 года уже не были похожи на августовские и сентябрьские. Больше у наших войск стало упорства, настойчивости»⁴². Конечно, политработники, как и советские командиры, были разные. И комиссар мог проявить трусость, слабость и малодушие, но в этом как раз и проявляется глубинная диалектика мужества и героизма с одной стороны и малодушия и предательства – с другой стороны.

Просуществовал институт военных комиссаров в РККА в годы Великой Отечественной войны недолго: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 г. он был упразднен в связи с введением в армии полного единоначалия⁴³. Его историческая роль исчерпалась, но миссию свою он выполнил. И глубоко символично, что 22 марта 1942 г., например, газета «Правда» писала: «В историю Великой Отечественной войны как одна из славных и почетных фигур войдет фигура политрука с автоматом в руках, в маскировочном халате и каске, идущего впереди и увлекающего

за собой бойцов к цели – разгрому германских фашистов и освобождению своего Отечества»⁴⁴.

В исследуемый период резко повысилась роль Главного политического управления РККА (начальник – армейский комиссар 1 ранга Л.З. Мехлис), которому придали статус Отдела ЦК ВКП(б). Через него ЦК ВКП(б) осуществлял партийное руководство Красной армией. В Главном политическом управлении РККА функционировали организационно-инструкторский отдел, отделы агитации и пропаганды, печати, культурно-просветительных учреждений, по работе среди комсомольцев, управление кадров, отдел по работе среди войск и населения противника⁴⁵. Вся деятельность Главного политического управления (Главпур) была направлена на проведение в жизнь политики ВКП(б), на обеспечение выполнения приказов и директив Ставки Верховного Главнокомандования⁴⁶. Под его руководством осуществлялась перестройка и шло дальнейшее совершенствование организационно-партийной и идеологической работы в действующей армии.

Главпур, поддерживая тесную связь с Генеральным штабом, военными советами фронтов, добивался, чтобы деятельность политорганов, партийных и комсомольских организаций была конкретной, направленной на успешное выполнение боевых задач. Анализировалось состояние партийно-политической работы, организовывалось обобщение и распространение ее передового опыта (уже в 1941 г. обобщили опыт идеологической работы политорганов в войсках Северо-Западного, Юго-Западного, Южного, Карельского, Западного и Ленинградских фронтов⁴⁷). В центре внимания Главного политического управления было руководство работой политуправлений фронтов. Осенью 1941 г. Главпуру РККА поручили также осуществлять руководство партийно-политической работой в партизанских формированиях и организацию политической работы среди населения оккупированных врагом областей. Для этого в его составе был создан специальный отдел.

Важным направлением перестройки системы партийно-политической работы в РККА в хронологических рамках, указанных выше, стало всемерное укрепление армейских партийных организаций ВКП(б). В первые месяцы войны ряды армейских коммунистов значительно поредели⁴⁸: сказались боевые потери и условия приема в партию. По уставу ВКП(б) для вступления в ее кандидаты военнотружущему требовались рекомендации трех коммунистов с трехлетним стажем, причем они должны были знать товарища по совместной работе не менее года.

Центральный Комитет ВКП(б) 19 августа 1941 г. принял постановление «О порядке приема в партию особо отличившихся в боях красноармейцев и начальствующего состава Красной Армии». Было установлено, что красноармейцы и начальствующий состав действующей армии,

особо отличившиеся в боях, показавшие образцы героизма и изъявившие желание вступить в партию, могут представлять рекомендации трех членов партии с годичным партийным стажем, знающих их по совместной работе и менее одного года. В этом случае вступающие в партию представляли боевую характеристику политического руководителя подразделения или комиссара части⁴⁹. 9 декабря 1941 г. Центральный Комитет партии принял постановление «О приеме в члены ВКП(б) кандидатов, отличившихся в боях с немецкими захватчиками». Было разрешено политорганам Красной Армии принимать в члены ВКП(б) отличившихся в боях военнослужащих после 3-месячного кандидатского стажа⁵⁰.

Эти постановления Центрального Комитета ВКП(б), определяющие порядок приема в партию фронтовиков, имели огромное значение для регулирования роста партийных рядов, создания и укрепления армейских партийных организаций. Они создали перелом в росте военных партийных организаций. С этого времени рост партийных рядов в армии осуществлялся главным образом за счет их внутренних источников, за счет отличившихся в боях воинов. Во второй половине 1941 г. только в кандидаты партии было принято 137 тыс. воинов — в 4 раза больше, чем в первом полугодии. К концу 1941 г. в Вооруженных силах Советского государства находилось 1 млн. 234 тыс. коммунистов — в 2 с лишним раза больше, чем накануне войны, что составляло две пятых всей партии. К этому же времени было 26,7 тыс. армейских и флотских партийных организаций — в 2 раза больше, чем перед войной⁵¹. В итоге всех этих мер еще больше усилилось влияние ВКП(б) на укрепление Вооруженных сил Советского государства, повышение боеспособности частей и соединений, политическое сплочение личного состава и мобилизацию советских воинов на разгром врага⁵².

Особенно необходимо подчеркнуть (в контексте изложенного выше), что в первые же дни войны Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об отборе коммунистов в качестве «политбойцов» для укрепления морального духа войск. 27 июня 1941 г. Политбюро ЦК решило отобрать и послать политбойцами 18 500 коммунистов и комсомольцев. Через два дня, 29 июня, Политбюро ЦК обязало обкомы 26 областей отобрать в трехдневный срок еще 23 тыс. коммунистов и лучших комсомольцев и передать их в распоряжение Наркомата Обороны⁵³. Первые 250 рот политбойцов прибыли на фронт в середине июля 1941 г.⁵⁴ За первые шесть месяцев войны политбойцами на фронт было послано 60 тыс. коммунистов и 40 тыс. комсомольцев⁵⁵. В большинстве своем политбойцы имели высшее и среднее образование. После соответствующей подготовки они должны были стать младшими командирами и политработниками. Однако из-

за высоких потерь в начальный период войны их зачастую вливали большими группами в наиболее пострадавшие в боях части и сразу бросали в бой. Общая численность политбойцов составила свыше 130 тыс. человек⁵⁶.

Политбойцы — это не профессиональные политработники, не партийные функционеры и вовсе не сотрудники НКВД, как порой утверждали некоторые публицисты, а обычные коммунисты и комсомольцы, направлявшиеся в действующие части РККА по специальным партийным мобилизациям. Их задача была — словом и личным примером мобилизовать бойцов на борьбу с врагом. «Политбоец, — писала 2 августа 1941 г. газета «Правда», — это цемент, скрепляющий воинов Красной Армии единой волей, единым устремлением победить врага... Политбоец ведет за собой беспартийных»⁵⁷.

В последующем ЦК партии возложил проведение партийных мобилизаций на Главпур РККА — до января 1942 года было осуществлено пять мобилизаций. Являясь в основном по званию рядовыми, политбойцы были первыми помощниками политруков, спланивали воинов, показывали личный пример стойкости и мужества, многие из них погибли в боях, были ранены. Оценивая деятельность политбойцов, Главпур РККА докладывало ЦК ВКП(б) в октябре 1941 г.: «Они сыграли исключительную роль в укреплении частей Красной Армии»⁵⁸. Впоследствии значительная часть политбойцов была выдвинута на должности замполитруков рот, партторгов и комсоргов подразделений, командиров отделений. В связи с увеличением числа коммунистов и партийных организаций в войсках, усилением их влияния на личный состав подразделений с 1942 г. специальных мобилизаций не проводилось.

Анализ материала, изложенного выше, дает основания для следующего заключения: система партийно-политической работы в РККА в начальном периоде войны перестраивалась в крайне сжатые сроки, оперативно и непрерывно. Между тем неправильно полагать, что в исследуемом процессе не имелось недостатков. Они не просто были, но и серьезно осложняли анализируемую в настоящей статье перестройку.

Во-первых, несмотря на официальные заявления о необходимости усиления воздействия на сознание воинов, главным образом посредством убеждения, в содержательной части перестраиваемой системы партийно-политической работы в РККА в хронологических рамках, указанных выше, рельефно наметилась тенденция к всемерной поддержке политики жесточайших репрессий, проводимых органами государственной власти и военного управления с целью повышения уровня морально-психологического состояния личного состава частей и соединений. Причем данная тенденция стала доминирующей. Всеми силами и средствами партийно-политической ра-

боты стали разъяснять необходимость репрессий, упомянутых выше. Так, газета 16-й армии «Боевая тревога» в связи с изданием нормативного акта о порядке работы военных трибуналов в годы войны отмечала 10 июля 1941 г.: «Трибунал своим острым оружием будет беспощадно разить всех врагов нашей родины и своим острым оружием жестоко карать паникеров и болтунов. Сейчас, в боевой обстановке, все дела военный трибунал будет рассматривать в течение 24 часов после вручения обвинительного заключения. Приговор приводится в исполнение немедленно, а приговор с высшей мерой наказания – через 72 часа»⁵⁹.

При этом был взят курс на обеспечение высокого уровня гласности в проведении репрессий. Так, в директиве члена военного совета Западного фронта армейского комиссара 1 ранга Л.З. Мехлиса №01 от 7 июля 1941 г. «О гласности и исполнении приговоров с высшей мерой наказания» отмечалось буквально следующее: «Наиболее характерные приговоры в отношении красноармейцев и младших командиров с высшей мерой наказания разрешаю печатать в изложении в армейских и дивизионных газетах. В одном номере запрещаю печатать больше одного приговора. Наиболее злостных дезертиров и паникеров, осужденных Трибуналом, РАЗРЕШАЮ: в зависимости от обстановки, расстреливать перед строем...»⁶⁰.

Во-вторых, относительно агитации и пропаганды в процессе перестройки системы партийно-политической работы приходится констатировать, что в начальном периоде войны произошло смещение акцентов на агитацию. Во главу угла было поставлено разъяснение сущности политики ВКП(б) в войне, сформулированной по радио в речи председателя ГКО СССР И.В. Сталина 3 июля 1941 г. Стали также больше внимания уделять воспитанию на героическом прошлом нашего Отечества. Так, в рекомендациях управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), опубликованных в июле 1941 г., важное место отводилось докладам, лекциям и беседам о героическом прошлом нашего Отечества⁶¹. Хотя в условиях отступления вряд ли могла стать массовой, например, практика чтения лекций.

В-третьих, медленно изживались предвоенные стереотипы лжепролетарского интернационализма. В печатных листовках, предназначенных для распространения в боевых порядках войск противника, публиковались соответствующие лозунги, которые якобы могли разбудить у солдат и офицеров вермахта чувство пролетарского интернационализма. Тщетно⁶². Вместо того чтобы с первых дней войны взять курс на воспитание жгучей ненависти к врагу, Л.З. Мехлис дал указание «широко использовать рассказы пленных, дневники, письма и другие документы, подобранные на поле боя, для освещения настроения солдат армии и населения

противника»⁶³ (какие пленные, когда наши войска отступали? Подобное указание выглядит, мягко выражаясь, несколько странным).

В-четвертых, в условиях начального периода войны (и позже) имели место перебои в снабжении войск газетами. Об этом, в частности, сообщил 8 сентября 1941 г. секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову спецкор «Известий» Э. Виленский. По его данным, 9-я армия «почти не получает центральных газет. За август пришло пять номеров «Правды», 1-2 номера «Известий». Такая же картина наблюдалась в июле»⁶⁴.

В-пятых, несмотря на тенденцию к увеличению приема в ВКП(б) новых членов и кандидатов, не всегда обеспечивалась их личная примерность в сражениях и боях начального периода войны. Имели место случаи, когда коммунисты, бежавшие с поля боя, уничтожали партийные билеты, чтобы при попадании в плен скрыть свою партийную принадлежность. Так, в докладной записке на имя члена Военного Совета Западного фронта армейского комиссара 1 ранга Л.З. Мехлиса от 15 июля 1941 г., в частности, отмечалось, что в бою 6 июля 1941 г. «около 10 коммунистов проявили трусость и побросали свои партийные билеты, среди них оказались два секретаря первичных партийных организаций и один инструктор ОПП»⁶⁵. Дано указание рассмотреть их дела в партийных организациях и исключить из партии»⁶⁶.

Таким образом, процесс перестройки системы партийно-политической работы в РККА в начальный период Великой Отечественной войны (22 июня - июль 1941 г.) отличался неоднозначностью и противоречивостью. Однако факт остается фактом: эта перестройка, несмотря на все трудности, противоречия, недостатки, была в конечном итоге осуществлена. Причем партийно-политическая работа в Вооруженных силах Советского государства совершенствовалась на протяжении всей войны. Думается, что ее исследование следует вернуть из научной периферии в число приоритетных проблем истории Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Начальный период Великой Отечественной войны. Материал, подготовленный Научно-исследовательским институтом (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс]. Министерство обороны РФ [официальный сайт] - URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=10638542@cmsArticle> (дата обращения: 26.09. 2016).

² Там же.

³ Там же.

⁴ В помощь политработнику. М., 1942; Сборник материалов по партийно-политической работе в Красной Армии. М., 1942; Капитонов Н. Л. Отечественная война и партийно-политическая работа в Красной Армии. Ашхабад, 1942; Политический руководитель роты. М.,

- 1942; В помощь агитатору и пропагандисту: сб. ст.: в 8 вып. М., 1945; *Падорин Я.* Коммунисты на фронтах Отечественной войны. ОГИЗ, 1945; *Захаров В.А.* Очерк начального периода Великой Отечественной войны. М., 1949; *Абишев Г.* Работа партии большевиков по воспитанию чувства советского патриотизма в годы Великой Отечественной войны 1941-1942 гг. Алма-Ата, 1950; *Кочененко В.Г.* До питання про заходи КПРС в посиленні партійно-політичної роботи серед воїнів Радянської Армії в перші період Великої Вітчизняної війни (червень 1941 – листопад 1942 рр.) // *Наук. зап. / Чернівецький держ. ун-т.* 1954. Т.35. (Сер. істор. наук., вып.4); Идеологическая работа КПСС на фронте. М., 1960; *Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны (1941-1945): краткий исторический обзор.* М., 1968; *Политическая работа среди войск и населения противника в годы Великой Отечественной войны.* М., 1971; *Идеологическая работа КПСС в действующей армии, 1941-1945 гг.* М., 1985; и мн. др.
- ⁵ *Гареев М.А.* Об изучении истории Великой Отечественной войны // *Новая и новейшая история.* 1992. №1. [Электронный ресурс]. Библиотека RIN.RU [сайт] – URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/47082p.html> (дата обращения: 25.09.2016).
- ⁶ К вопросу о перестройке морально-психологического обеспечения боевых действий РККА с началом Великой Отечественной войны / Е.С. Громов, В.Я. Ефремов, Г.М. Ипполитов, А.В. Шестериков // *Деп. в ЦСИФ МО РФ, инв. №3170. Сб. рефератов деп. рукописей.* Сер. Б. Вып.38. М.: ЦВНИ МО РФ, 1997; *Полторак С.Н.* Незнакомые грани историко-психологического портрета советского воина в период начала Великой Отечественной войны (по материалам неопубликованных воспоминаний) // *Актуальные вопросы истории Великой Отечественной войны: материалы XV Всерос. заоч. науч. конф. СПб., 1999.* С.89-93; *Винник В.А.* Воспитательная работа в частях и учреждениях тыла Советской Армии в оборонительных операциях Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): ст.: сб. реф. деп. рук. Сер.В. Вып.57. М.: ЦВНИ МО РФ, 2000. Деп. в ЦСМФ МО РФ, №2974; *Дроздов Ф.Б.* Общественные настроения в Красной армии в начальный период Великой Отечественной войны (июнь 1941 - апрель 1942 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004 и др. Что характерно: даже в фундаментальном уникальном (не побоимся подобной оценки) 12-томном обобщающем исследовании «Великая Отечественная война. 1941-1945 годов», выполненном в начале XXI в. под эгидой Минобороны РФ, проблеме именно перестройки системы партийно-политической работы в начальном периоде войны уделено недостаточно внимания (Великая Отечественная война 1941-1945 годов: В 12 т. Т.10. Государство, общество и война. М., 2014).
- ⁷ *Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы.* М., 1992; *Коваль М.В.* Начало немецкой агрессии и пограничные бои на территории России в свете новых документов // *Страницы истории России XX века.* Киев, 1992. Другая война 1939-1945 гг. М., 1996; и др.
- ⁸ [Электронный ресурс] Коммунистическая партия Российской Федерации [официальный сайт] – URL: https://kprf.ru/rus_soc/78545.html (дата обращения: 25.09.2016).
- ⁹ *Покушение на Великую Победу.* М., 2006; *Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авт.-сост. А.А. Лившин, И.Б. Орлов.* М., 2007; *Ипполитов Г.М., Полторак С.Н.* Особенности советской пропаганды и агитации в первый (оборонительный) период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – ноябрь 1942 г.) // *Клио. Журнал для ученых.* 2013. №4. С.67-79.
- ¹⁰ *Необходимость выявления институциональных основ процесса перестройки системы партийно-политической работы в РККА в начальный период войны повлекла за собой включение в статью нескольких материалов, относящихся к более раннему и позднему времени.* – Г.И.
- ¹¹ *Ведомости Верховного Совета СССР.* 1941. №29.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Известия.* 1941. 8 июля.
- ¹⁴ *Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей.* 29 июня 1941 г. // *Великая Отечественная война. 50 лет: Приложение к календарю дат и событий.* 1991. Вып.1. ТАСС. С.48-49.
- ¹⁵ *Коваль М.В.* Начало немецкой агрессии и пограничные бои на территории России в свете новых документов // *Страницы истории России XX века.* Киев, 1992. С.164.
- ¹⁶ *Наша гордость, наша слава.* М., 1965. С.102.
- ¹⁷ *Анфилов В.А.* Бессмертный подвиг; *Кондратьев В.А., Политов З.Н.* Творят погибшие герои. 1941-1945 гг. М., 1979; *Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах.* Пред. ред. коллегии И.Н. Шкадов. М., 1987.
- ¹⁸ Известно, что похвала врага – высшая похвала. Нацисты вынуждены были признать, что бои «отличались большей жесточечностью, чем во время польской кампании или западного похода» (*Анфилов В.А.* Бессмертный подвиг. М., 1971. С.213.). В разведывательной сводке 454-й дивизии вермахта от 28 июня 1941 г. содержалось даже признание, что русский солдат «оказался очень выносливым и, даже оставаясь один, выполнял свой долг. В отличие от Первой мировой войны, русские солдаты боролись до последнего, ведя бой так же умело, как умели они оборудовать свои оборонные позиции» (*Цит. по.: Костенко Ю.* Морально-психологическое состояние Красной армии в ходе первых боев (июнь в 1941 г.) // *Военная история.* 2002. №4 (электронная версия). [Электронный ресурс]. – URL: http://warhistory-ukrlife.ru/3_4_02_5.htm (дата обращения: 29.9.2016). Нельзя не вспомнить и о признаниях гитлеровского генерала Бутлара: «...в результате упорного сопротивления русских уже в первые дни боев немецкие войска понесли такие потери в людях и технике, которые были значительно выше потерь, известных им по опыту кампаний в Польше и на Западе. Стало совершенно очевидным, – продолжал Бутлар, – что способ ведения боевых действий и боевой дух противника, равно как и географические условия данной страны, были совсем непохожими на те, с которыми немцы встретились в предыдущих «молниеносных войнах», приведших к успехам, изумившим весь мир» (*Мировая война 1939-1945 гг.* Сб. ст. М., 1957. С.163). А дневник начальника немецкого Генераль-

- ного штаба Ф. Гальдера пестрит такими записями: 24.6 1941 г. «...Русские не думают об отступлении, а, напротив, бросают все, что имеют в своем распоряжении, навстречу вклинившимся германским войскам». 27.6 1941 г. «...События развиваются совсем не так, как намечается в высших штабах...». 28.6 1941 г. «В Белостокском лесу юго-восточнее города идут упорные бои, которые, против ожидания, сковывают весь центр и часть правого крыла 4-й армии... На всех участках фронта характерно небольшое число пленных...» 29.6 1941 г. «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека... Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и т. п. в плен сдаются лишь немногие. Часть русских сражается, пока их не убьют, другие... пытаются выйти из окружения под видом крестьян» (Гальдер Ф. Военный дневник. Т.3. Кн.2. М., 1971. С.38, 51, 54, 57, 60).
- ¹⁹ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф.229. Оп.13. Д.12. Л.13.
- ²⁰ Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. С.72.
- ²¹ Паничев В. Военная прокуратура в годы Великой Отечественной войны // Законность. 1995. №3. С.31.
- ²² Радин В.Н. Солдатские откровения: В 2 кн. СПб., 2006. Кн.1: Свидетель войны. С.3.
- ²³ Лето 1941-го. Между Гомелем и Брянском (Записки младшего лейтенанта) / Публ. П.П. Черкасова // Отечественная история. 2005. №2. С.30.
- ²⁴ Ипполитов Г.М., Полторак С.Н. Особенности советской пропаганды и агитации в первый (оборонительный) период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. - ноябрь 1942 г.)...
- ²⁵ Скирдо М.П. Моральный фактор в Великой Отечественной войне. М., 1958; Славный путь Ленинского комсомола: история ВЛКСМ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1978; Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945. М., 1985; Волкогонов Д.А. Феномен героизма: о героях и героическом. М., 1985; и др.
- ²⁶ Гареев М.А. Уроки Великой Отечественной // Покушение на Великую Победу. М., 2006. С.4-30; Золотарев В.А., Тюшкевич С.А. Опыт и уроки отечественной военной истории. М., 1995.
- ²⁷ Правда. 1941. 28 июня.
- ²⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.125. Д.30. Л.1.
- ²⁹ Соколов Б.Н. В плену. СПб., 2000. С.9-10.
- ³⁰ Костенко Ю. Указ. соч.
- ³¹ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй Мировой войны. М., 2000.
- ³² Новая и новейшая история. 1992. №3. С.223.
- ³³ Streit Ch. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941-1945. Stuttgart, 1978. S.244.
- ³⁴ Сазонов О.Н. Граждане СССР в рядах вермахта // Актуальные вопросы истории Великой Отечественной войны: материалы XV Всерос. заоч. науч. конф. С.65.
- ³⁵ ЦАМО РФ. Ф.32. Оп.15823. Д.547. Л.444. Тема репрессий в РККА – предмет отдельного исследования. Здесь только приведена небольшая иллюстрация. – Г.И.
- ³⁶ ЦАМО РФ. Ф.208. Оп.2524. Д.2. Л.48.
- ³⁷ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы. М., 1969. С.305-306. 20 июля 1941 г. действие указа, цитируемого выше, было распространено на Военно-Морской Флот.
- ³⁸ Заметим, что ВКП(б) здесь поставлена на первое место. – Г.И.
- ³⁹ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941-1945. М., 2010. С.39.
- ⁴⁰ Там же. С.40.
- ⁴¹ Заметим, что этот приказ выполнялся, как правило, с особым рвением. Так, командующий 4-й танковой группой докладывал в вышестоящий штаб: «До 8 июля (1941 г. – Г.И.) было покончено с 97 политкомиссарами». Ежедневные донесения офицеров высшего и среднего звена становились рутинными: «казнены 60 русских и 1 комиссар»; «взято 747 пленных, из них, в соответствии с приказом, 318 расстреляно»; «захвачено 610 пленных, уничтожено 5 танков, 6 политруков». (Römer F. Der Kommissarbefehl. Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront 1941/42. Schöningh Paderborn, 2008. P.361, 238, 247, 328).
- ⁴² Жилин В. Танкисты-герои 1943-1945 гг. М., 2008. С.455.
- ⁴³ В данном указе, в частности, отмечалось, что Великая Отечественная война с немецкими захватчиками закалила наши командные кадры, выдвинула огромный слой новых талантливых командиров, испытанных в боях и до конца верных своему воинскому долгу и командирской чести. «В суровых боях с врагом командиры Красной Армии доказали свою преданность нашей родине, приобрели значительный опыт современной войны, выросли и окрепли в военном и политическом отношениях. С другой стороны, военные комиссары и политработники повысили свои военные знания, приобрели богатый опыт современной войны, часть из них уже переведена на командные должности и успешно руководит войсками, многие же другие могут быть использованы на командных должностях либо немедленно, либо после известной военной подготовки. Все эти новые обстоятельства, связанные с ростом наших командных и политических кадров, свидетельствуют о том, что полностью отпала почва для существования системы военных комиссаров. Больше того, дальнейшее существование института военных комиссаров может явиться тормозом в улучшении управления войсками, а для самих комиссаров создает ложное положение. Таким образом, назрела необходимость упразднить в Красной Армии институт военных комиссаров, установить полное единоначалие и целиком возложить на командиров ответственность за все стороны работы в войсках» (Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров: Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 9 октября 1942 г. // Правда. 1942. 10 окт.).
- ⁴⁴ Правда. 1942. 22 марта.
- ⁴⁵ Военная энциклопедия: В 8 т. Т.2. М., 1994. С.176.
- ⁴⁶ Небезынтересная статистика: Главным политическим управлением РККА в годы войны было издано более 500 директив, направленных на воплощение в жизнь партийных решений (Вопросы истории КПСС. 1984. №5. С.96).
- ⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф.32. Оп.11318. Д.1. Л.1-218.
- ⁴⁸ В целом же только в 1941 году погибли в боях и пропали без вести около 634 000 членов партии (В бой ведет ВКП(б). Роль партии большевиков в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] No Na M [сайт] URL: <http://nmm.me/blogs/TbINZ/v-boy>

- vedet-vkr-b/ (дата обращения: 5.10.2016).
- ⁴⁹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945: Краткая история. М., 1984. С.546.
- ⁵⁰ Великая Отечественная война 1941-1945. События. Люди. Документы. М., 1990. С. 430.
- ⁵¹ Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. / П.Н. Бобылев и др. М., 1985 [Электронный ресурс] Biografia.ru. Мемуары. Биография и публицистика [сайт]. URL: <http://www.biografia.ru/arhiv/voyna038.html> (дата обращения: 4.10.2016). В целом же к концу войны в вооруженных силах числилось свыше 3 млн. членов и кандидатов в члены партии (Политические партии России: история и современность / Под ред. А.И. Зевелева, Ю.П. Свириденко, В.В. Шелохаева. М., 2000. С.469).
- ⁵² Заметим, что всего за годы войны по решениям ЦК на партийно-политическую работу в Красной армии перешло около 14 тыс. коммунистов (Политические партии России: история и современность... С.469).
- ⁵³ Грызлов В.Ф. Коммунисты на фронтах Великой Отечественной [Электронный ресурс] Politpros.com [сайт]. URL: <http://www.politpros.com/journal/read/?ID=103&journal=36> (дата обращения: 5.10.2016).
- ⁵⁴ [Электронный ресурс] Министерство обороны РФ [официальный сайт]. Словарь. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=9115@morfDictionary> (дата обращения: 4.10.2016).
- ⁵⁵ Грызлов В.Ф. Указ. соч.
- ⁵⁶ Политические партии России: история и современность... С.467.
- ⁵⁷ Правда. 1941. 2 авг.
- ⁵⁸ Цит. по: Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. / П.Н. Бобылев и др. М., 1985 [Электронный ресурс] Biografia.ru. Мемуары. Биография и публицистика [сайт]. URL: <http://www.biografia.ru/arhiv/voyna038.html> (дата обращения: 4.10.2016).
- ⁵⁹ Военные трибуналы в боевой обстановке // Боевая тревога. 1941. 10 июля.
- ⁶⁰ ЦАМО РФ. Ф.208. Оп.2524. Д.3. Л.52.
- ⁶¹ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авт.-сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2007. С.14.
- ⁶² Люттов С.Н. Организация военно-политической пропаганды в первые месяцы Великой Отечественной войны // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т.10. Вып. 1. История. С. 205-212.
- ⁶³ ЦАМО. Ф.32. Оп.795436с. Д.3. Л.189.
- ⁶⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.58. Л.207.
- ⁶⁵ Отдел политической пропаганды. – Г.И.
- ⁶⁶ ЦАМО. Ф.208. Оп.2524. Д.2. Л.59.

TO THE QUESTION OF REORGANIZATION OF THE COMMUNIST PARTY'S POLITICAL WORK IN THE RED ARMY IN THE EARLY PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (22 JUNE – JULY 1941)

© 2016 G.M. Ippolitov

Volga Branch of Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Samara

The article contains an analysis of the reorganization of the Communist Party's political work in the Red Army in the early period of the Great Patriotic War (22 June – July 1941). The author claims that this political work was rather ambiguous and contradictory in its nature.

Keywords: Communist Party's political work, Workers' and Peasants' Red Army, Chief Political Directorate, Lev Mekhlis, military commissars, political organizations, All-Union Communist Party (bolsheviks), political soldiers, political commanders, Communist Party organizations, agitation, moral spirit, moral and psychological conditions, Soviet propaganda, leaflets, Wehrmacht, proletarian internationalism.

Georgiy Ippolitov, Doctor of History, Professor, Leading Researcher of the Volga Branch of Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Philosophy of Volga State University of Telecommunications and Informatics, Academician of the Academy of Military Sciences. E-mail: gippolitov@rambler.ru